
Светлана С. Бирюкова¹

Институт социальной политики НИУ ВШЭ,
109074 Москва, Славянская пл., д. 4, стр. 2

Алла О. Макаренцева²

Лаборатория исследований демографии и миграции
ИнСАП РАНХиГС,
119034 Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1

ОЦЕНКИ «ШТРАФА ЗА МАТЕРИНСТВО» В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию систематических различий в оплате труда женщин с детьми и бездетных женщин, или «штрафа за материнство», в современной России. Работа выполнена по данным 23-й волны Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Авторы применяют двухступенчатую модель, на первом этапе которой с использованием бинарной логистической регрессии оценена селективность вступления в материнство, а на втором показано влияние статуса материнства на среднемесячную заработную плату женщины с поправкой на выявленную селективность. Полученные оценки носят разведывательный характер и указывают на «штраф» в размере около 4% от заработной платы в среднем для всех женщин с несовершеннолетними детьми, с существенной дифференциацией по уровню образования. В работе показано, что женщины с высшим образованием получают в 1,5 раза более высокий «штраф», и кроме того, в этой группе он проявляется раньше: разница в оплате труда бездетных женщин и матерей с высшим образованием проявляется уже после рождения первого ребенка, в то время как среди женщин без него, только начиная со второго. В заключение статьи авторы обсуждают ограничения проведенного анализа и обозначают возможные направления развития этой темы.

Ключевые слова: «штраф за материнство»; селективность материнства; занятость женщин с детьми; РМЭЗ НИУ ВШЭ; Россия.

JEL CODES: J00

Цитирование: Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. Оценки «штрафа за материнство» в России. *Население и экономика*. — 2017. — Т. 1. — № 1. — С. 50–70.

¹ Светлана Сергеевна Бирюкова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ. E-mail: sbiryukova@hse.ru

² Алла Олеговна Макаренцева, кандидат экономических наук, заведующая Лабораторией исследований демографии и миграции ИнСАП РАНХиГС. E-mail: makarentseva-ao@ganepa.ru

Введение

«Штрафом за материнство» называют худшее положение женщин с детьми на рынке труда по сравнению с бездетными женщинами, которое может проявляться через снижение доступа к занятости (в целом или к рабочим местам определенного уровня), ухудшение условий продвижения по карьерной лестнице или через снижение заработной платы. На величину наблюдаемых различий в заработной плате оказывают влияние селективность материнства и селективность занятости, а именно, различия в социально-демографических характеристиках женщин с детьми и без детей, женщин работающих и не работающих [Harkness, Waldfogel, 1999; Lundberg, Rose, 2000; Wetzels, Zorlu, 2003 и др.]. Однако, как показывают результаты многочисленных эмпирических исследований, необъясненная часть различий в заработках сохраняется, а иногда и увеличивается после внесения поправок на селективность [Wetzels, Zorlu, 2003; Budig, Misra, Boeckmann, 2016; Pal, Waldfogel, 2016]. В настоящем исследовании штраф за материнство операционализируется как систематическая разница в заработных платах у работающих женщин с детьми и бездетных женщин, которая не объясняется различиями в их образовательных, квалификационных или иных наблюдаемых характеристиках.

За рубежом теме «штрафа за материнство» уделяется много внимания. Она находится одновременно в фокусе экономической демографии, исследований дискриминационных практик на рынке труда, гендерных исследований. В России известны отдельные работы на эту тему, но систематического подхода к исследованию данного вопроса до настоящего времени нет. Вместе с тем, исследование этого феномена важно для понимания факторов благосостояния российских семей с детьми, которым свойственны максимальные риски монетарной бедности [Овчарова и др., 2014]. Кроме того, информация о нем важна в условиях активной семейной и социально-демографической политики. Курс на стимулирование рождаемости должен опираться на комплексное понимание положения женщин на рынке труда после рождения ребенка. Это необходимо для принятия более взвешенных политических решений и дополнения материальной поддержки рождаемости институциональными изменениями, в том числе в отношении политики занятости населения.

Настоящая статья начинается с обобщения теоретических и эмпирических исследований, обсуждения механизмов возникновения «штрафа за материнство». В эмпирической части работы раскрываются релевантные исследованию особенности российской модели рождаемости, проводится эконометрическое моделирование размеров «штрафа за материнство» по российским данным. Авторы ставят перед собой задачу в первом приближении ответить на следующие вопросы: наблюдается ли «штраф

за материнство» в современных экономических условиях в России? Есть ли дифференциация «штрафа» по уровню образования женщины и по числу рожденных детей? И наконец, наблюдается ли «штраф» в оплате труда у женщин с взрослыми детьми? После обобщения результатов статьи завершается обсуждением ограничений и перспектив проведенного исследования, являющегося, с точки зрения авторов, по своей сути разведывательным.

Теоретические рамки

Причины возникновения «штрафа за материнство» такие области знаний, как рациональная экономика, социология и институциональная экономика, объясняют по-разному [Grimshaw, Rubery, 2015]. Как указывают в своем мета-обзоре эмпирических исследований Дамиан Гримшоу и Джил Рубери, рациональная экономика предлагает три основных механизма возникновения «штрафа за материнство»:

- во-первых, более низкая оплата труда женщин с детьми может быть связана с меньшим уровнем накопленного на протяжении трудовой биографии человеческого капитала: перерывы в занятости в связи рождением детей приводят к сокращению общего стажа и, соответственно, опыта работы, а также к потере и размыванию профессиональной квалификации;
- во-вторых, разница в оплате труда матерей и бездетных женщин может быть обусловлена более низкой производительностью труда у женщин с детьми в связи с более выраженным смещением баланса между работой и семьей в сторону последней;
- в-третьих, причиной более низких заработков матерей может стать добровольный выбор рабочего места с меньшими требованиями к отдаче, более гибкими или короткими часами работы, позволяющими сочетать домашние и трудовые обязанности и подстраиваться под доступные услуги по присмотру за детьми.

В России отпуска по уходу за ребенком очень длинные¹, а значит, потери человеческого капитала выше, чем при более коротких отпусках. Они генерируют различия в заработных платах в будущих периодах, и чем специфичнее и выше приобретенный капитал, тем больше может быть разница. Другими словами, для высокообразованных и квалифицированных женщин ситуация острее, чем для женщин средней квалификации. В то же время в российской действительности женщины практически не имеют возможности выбрать рабочее место с гибкими или короткими часами ра-

¹ Сравнение длительности отпусков с другими странами см., например, в работе А. О. Тындик [Тындик, 2010].

боты, таковых практически нет [Базжина и др., 2014], если не считать самозанятость¹. В связи с этим факторы рабочего места не будут оказывать существенного влияния на размеры «штрафа».

В социологическом поле выделяются следующие объяснения этого феномена [Grimshaw, Rubery, 2015]:

- во-первых, дискриминация со стороны работодателя при найме, оплате труда и продвижении по службе;
- во-вторых, недооценка стоимости труда женщин с детьми в связи с существованием более низких ожиданий и общественных стереотипов относительно трудовых компетенций матерей.

В России действуют оба перечисленных фактора. Дискриминация женщин на рынке труда остается довольно высокой (15–18% от средней заработной платы мужчин по оценкам А. Ю. Ощепкова [Ощепков, 2006]) и дополняется массовыми стереотипами в отношении матерей [Калабихина и др., 2016]. Работодатели, как было отмечено выше, практически всегда ожидают от сотрудников работы полный день, тогда как государственная система по уходу за детьми требует от матери покидать рабочее место на час или два раньше окончания рабочего дня.

Однако в рамках социологического поля аргументов можно выдвинуть еще одну гипотезу. Чем меньше матерей в контингенте женщин, тем сильнее будут действовать факторы, усиливающие «штраф за материнство». В обществе, где все женщины являются матерями, такового бы просто не было. В России уровень окончательной бездетности составляет не более 10%, что ниже уровня многих европейских стран ([Biryukova, Tyndik, 2015]; рис. 1). Но вероятность стать матерью меняется с возрастом и, вероятно, величина «штрафа» также должна меняться с возрастом женщины. Аргументы в пользу этого можно найти и в контексте растущих профессиональных качеств женщины в первые годы после завершения обучения, и в демографическом контексте. Работодатель, нанимая сотрудниц 23 или 33 лет имеет разные ожидания в отношении как их профессиональных качеств, так и семейного статуса. В возрастных группах, которым присуща низкая вероятность стать матерью, — в России это возраст до 25 лет в соответствии со средним возрастом женщины при рождении первенца, — можно ожидать более высокого «штрафа за материнство».

Наличие «штрафа» в отношении женщин с детьми в возрасте после 35 лет тоже вызывает сомнения — в России подавляющее большинство из них имеют детей. Речь может идти о выборе со стороны работодателя значительно более молодой бездетной сотрудницы, но это применимо только на местах, не имеющих серьезных требований к профессиональ-

¹ По данным Росстата, на 2016 г. доля самозанятых среди всех занятых женщин составляла 10,2%.

ному стажу. Более того, бездетные женщины старших возрастов могут иметь худшие социально-демографические характеристики (в том числе, состояние здоровья), чем женщины с детьми.

Рис. 1. Доля бездетных по возрасту, поколение женщин 1971 года рождения¹

Источник: расчеты авторов по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Наконец, в рамках институционального подхода предполагается влияние на разницу в оплате труда матерей и бездетных женщин таких факторов, как система социального обеспечения и поддержки работающих родителей (порядок предоставления отпуска по уходу за ребенком, доступность детских садов и яслей, распространенность гибких форм занятости), принятые в обществе социальные нормы и установки в отношении материнства и женской занятости, а также культурный контекст в более широком смысле [Grimshaw, Rubery, 2015].

Описанные в представленном обзоре механизмы формирования «штрафа» очерчивают поле возможных интерпретаций наблюдаемых в России различий. При этом анализ теоретических предпосылок возникновения «штрафа за материнство», наложенный на современный демографический контекст России, заставляет ожидать его высоких размеров. Причем различия в репродуктивном поведении женщин из разных социальных групп, например, с разным уровнем образования, должны влиять на его дифференциацию.

¹ В более поздних поколениях форма кривой постепенно сдвигается вправо и незначительно меняет наклон; приведенный рисунок следует воспринимать как схему.

Опыт предыдущих эмпирических исследований

Оценки «штрафа за материнство» в странах мира существенно различаются: в опубликованных работах встречаются оценки от нуля до 30%¹ от зарплаты бездетных женщин и даже выше. Оценки данных Люксембургского обследования доходов за 2000/2001 гг. по выборке из 22 стран, показали высокие «штрафы» в Западной Германии (20%), Нидерландах и Люксембурге (по 18%), а низкие — в Словакии, Австралии и Израиле, где они составили менее 2% или оказались незначимыми [Budig, Misra, Boeckmann, 2016]. Указанные межстрановые различия находят объяснение в рамках институциональной концепции — прежде всего, они связаны с особенностями системы социальной поддержки населения и национального рынка труда. Как показывают результаты этого исследования, снижению «штрафа за материнство» способствует развитие внесемейного ухода за детьми в возрасте 0–2 и 3–6 лет и введение оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком средней длины (сроком до двух лет [Budig, Misra, Boeckmann, 2016]).

Нестабильность оценок, полученных разными авторами по одним и тем же странам, может быть также обусловлена различиями в источниках данных и, что более существенно, в используемых методах статистического анализа². При этом, строго говоря, полностью отделить влияние различий в методологических подходах и данных от фактического влияния институциональных факторов, невозможно.

Исследований «штрафа за материнство» в терминах заработной платы по России опубликовано немного. В работе Л. Ниворожкиной и соавторов приводится оценка различий в заработной плате женщин с детьми до 18 лет и без них в 2003 г. в размере около 12% [Ниворожкина, Ниворожкин, Арженовский, 2008]. Этот результат был получен при оценке комбинированной модели с учетом селекции в материнство³ с использованием данных Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС-2003). Аналогичные расчеты, проведенные в том же году на основе панельной выборки Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2003–2005 гг., показали на 8,1% более низкую заработную плату у женщин с несовершеннолетними детьми, а также уве-

¹ Для женщин с тремя детьми штраф достигал 32,1% в Великобритании [Harkness, Waldfogel, 1999].

² В рамках данной статьи мы не останавливаемся на этом вопросе, однако исчерпывающий обзор методов, применяемых для исследования «штрафа за материнство», приведен в упомянутой ранее статье Д. Гримшау и Д. Рубери [Grimshaw, Rubery, 2015].

³ Селекция в материнство — явление, при котором вероятность быть матерью к какому-либо возрасту и, соответственно, обратная ей вероятность — оставаться бездетной — случайным образом связана с социально-демографическими характеристиками женщин.

личение потерь в заработной плате с ростом образования женщин [Арженковский, Артамонова, 2007; Ниворожкина, Ниворожкин, Арженковский, 2008]. Таким образом, последние исследовательские оценки имеют десятилетнюю давность, а получение свежих и пригодных для сопоставления оценок представляет собой актуальную задачу.

Метод и данные

Как уже упоминалось выше, задачи данного исследования состоят не только в оценке непосредственного размера «штрафа за материнство», но и в ответах на следующие вопросы:

- а) сохраняется ли «штраф за материнство» после того, как ребенок вырастает;
- б) есть ли значимая дифференциация размеров «штрафа» по образованию женщины и количеству рожденных детей?

Представленные в работе оценки основываются на репрезентативной выборке 23-й волны обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ (2014). Из нее отобраны занятые женщины в возрасте 20–44 лет. Размер целевой подвыборки составляет 1433 наблюдения, однако, по причине отсутствия данных по некоторым контрольным переменным, объем аналитической выборки при построении регрессионных моделей был сокращен до 1425 наблюдений. Использование пространственной выборки и ретроспективных данных позволяет оценивать «штраф» для женщин, родивших ребенка в разные годы. С одной стороны, это не позволяет учесть изменения рынка труда, а с другой — дает более общие оценки, лучше сопоставимые с результатами предыдущих исследований.

Авторы используют двухступенчатую модель оценки размеров «штрафа», на первом этапе реализации которой строится бинарная логистическая регрессия. Она позволяет оценить связь основных социально-демографических параметров, таких как возраст респондентки, место ее проживания, образование и партнерский статус со статусом материнства, и использовать полученные оценки коэффициентов для предсказания условной вероятности быть матерью. Полученные вероятности затем используются для расчета весов для контроля возможной селекции в материнство по формуле (1)

$$w = \frac{1}{1 - prob_m} \quad \text{для бездетных женщин}$$

$$w = \frac{1}{prob_m} \quad \text{для женщин с детьми} \quad (1)$$

где $prob_m$ — оценка вероятности быть матерью, полученная для каждой женщины на основе бинарной логистической модели.

Использование описанных выше весовых коэффициентов позволяет выровнять структуру двух подвыборок (женщин с детьми и без детей) по основным дифференцирующим показателям (регрессорам, включенным в бинарную модель) и, таким образом, очистить полученные оценки различий в заработной плате от вклада, обусловленного селекцией в материнство по наблюдаемым характеристикам. Методологические трудности в данном случае может создать наличие предсказанных бинарной моделью вероятностей, близких по значению к нулю: они могут порождать сверхвысокие весовые коэффициенты. Для решения этой проблемы можно использовать дополнительные корректировки, такие как стабилизация весовых коэффициентов либо ручное ограничение допустимого интервала для их значений [Austin, Stuart, 2015], однако в данной статье, представляющей собой первый, разведывательный анализ, мы ограничимся прямой процедурой.

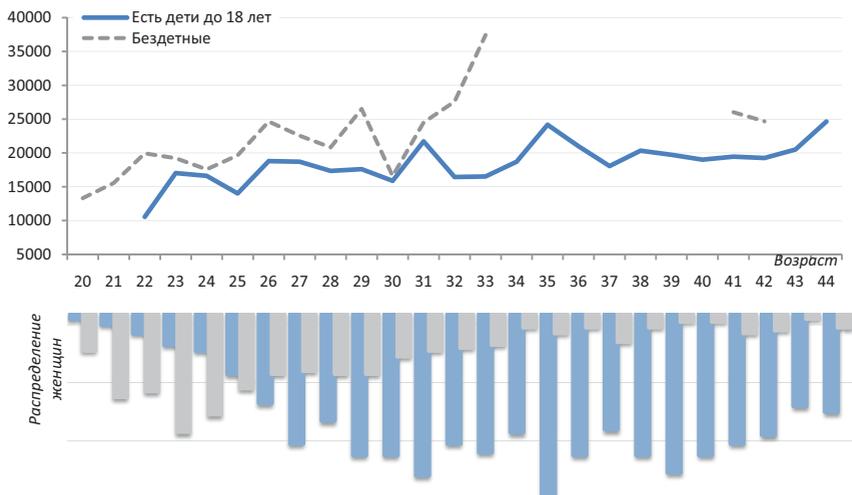
На втором этапе реализации модели оценка размеров «штрафа за материнство» проводится на основе взвешенной лог-линейной регрессии, в которой зависимой переменной является логарифм среднемесячной заработной платы женщины. При оценке модели зависимости заработной платы в дополнение ко всем социально-демографическим параметрам контролируется длительность рабочей недели, но в дальнейшем переход к почасовым показателям может дать большую точность измерений.

Ключевой независимой переменной выступает наличие детей, при этом вводится категориальная переменная, разделяющая матерей с несовершеннолетними и совершеннолетними детьми, матерей с одним ребенком и матерей с двумя и более детьми. Список контролируемых переменных включает в себя возраст женщины, место ее проживания, партнерский статус, статус ее здоровья (по наличию хронических заболеваний), а также основные параметры занятости — наличие официального трудового контракта, длительность рабочей недели, сферу занятости и должностной статус (измеряемый через наличие подчиненных). Таким образом, выбран максимально исчерпывающий набор доступных в массиве данных социально-демографических характеристик и характеристик рабочего места. Структура аналитической выборки по указанным параметрам приведена в Приложении к статье.

Дескриптивные оценки и результаты регрессионного анализа

Расчеты по данным репрезентативной выборки 23-й волны РМЭЗ (2014) показывают, что в среднем заработная плата женщин 20–44 лет без детей превышает заработную плату женщин с несовершеннолетними детьми (рис. 2); различия достигают 9,7% в среднем по выборке. Более того, заработные платы бездетных женщин на 4,5% превосходят заработную плату

женщин с детьми старше 18 лет. Для женщин 20–29 лет, имеющих детей до 18 лет, отставание в заработной плате составляет 13,3%¹.

Примечание: Средние не оцениваются для групп из 5 наблюдений и меньше

Рис. 2. Средний размер заработных плат женщин с детьми в возрасте до 18 исполнившихся лет и бездетных женщин, руб. Оценки по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ (2014), репрезентативная выборка из занятых женщин в возрасте 20–44 лет

Примечание: средние не рассчитываются для групп из пяти наблюдений и меньше.

Наблюдаемые различия дифференцированы по образованию женщин. Так, среди женщин с уровнем образования не выше начального профессионального матери с несовершеннолетними детьми получают зарплату в среднем на 17,1% ниже, чем бездетные, а с совершеннолетними детьми — на 31,1%. Среди женщин со средним профессиональным образованием номинальная разница достигает 8,2% для матерей с несовершеннолетними детьми, в то время как женщины с совершеннолетними детьми получают заработную плату в среднем на 4,4% выше по сравнению с бездетными (разница —4,4%). Для женщин с высшим образованием (и выше — послевузовским) указанные показатели составляют 0,3% и (–21,3%) соответственно. Однако интерпретировать полученные оценки напрямую нельзя в силу влияния на заработную плату указанных в начале статьи социально-демографических характеристик женщин.

Для того чтобы проконтролировать их влияние на размеры «штрафа за материнство», мы обращаемся к регрессионному анализу. Предполагаем

¹ В России бездетность остается относительно редкой среди женщин в возрасте 30–35 лет и старше [Biryukova, Tyndik, 2015].

разную величину «штрафа» в группах женщин с высшим образованием и без него (на существование таких различий указывают результаты ряда зарубежных исследований [см., например, *Todd, 2001; Correll, Benard, Paik, 2007* и др.]), мы оцениваем не только общую модель по всей выборке (колонка А табл. 1), но и отдельные модели (колонки Б и В табл. 1). Все три представленные в таблице модели статистически значимы.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа. Второй этап моделирования — зависимость логарифма среднемесячной заработной платы от социально-демографических характеристик женщины, взвешенная регрессия. Дифференциация по возрасту младшего ребенка

Параметры модели		Коэффициенты (стандартная ошибка)		
		А	Б	В
		Общая модель	Модель для женщин с высшим образованием	Модель для женщин без высшего образования
Статус материнства	Бездетная женщина	РЕФ	РЕФ	РЕФ
	Женщина с детьми до 18 лет	-0,039*** (0,009)	-0,060*** (0,016)	-0,028** (0,011)
	Женщина с детьми 18 лет и старше	-0,005 (0,020)	-0,017 (0,038)	0,015 (0,023)
Образование	Нет высшего образования	РЕФ	-	-
	Высшее образование	0,144*** (0,010)	-	-
Возраст	20–24	0,016 (0,018)	-0,074** (0,034)	0,064*** (0,020)
	25–29	-0,033** (0,014)	-0,122*** (0,024)	0,048*** (0,018)
	30–34	-0,011 (0,014)	-0,018 (0,023)	-0,006 (0,017)
	35–39	0,056*** (0,013)	-0,029 (0,025)	0,111*** (0,016)
	40–44	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Место проживания	Областной центр	0,133*** (0,013)	0,129*** (0,025)	0,150*** (0,014)
	Город	0,064*** (0,013)	0,062** (0,026)	0,080*** (0,015)
	ПГТ	0,067*** (0,024)	0,073 (0,047)	0,059** (0,027)
	Сельская местность	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Партнерский статус	Нет партнера, никогда не была замужем	-0,022* (0,013)	-0,050** (0,021)	-0,011 (0,016)
	Нет партнера, была замужем ранее	-0,013 (0,013)	0,022 (0,023)	-0,032* (0,016)
	Есть партнер / Замужем	РЕФ	РЕФ	РЕФ

Окончание табл. 1

Параметры модели		Коэффициенты (стандартная ошибка)		
		А	Б	В
		Общая модель	Модель для женщин с высшим образованием	Модель для женщин без высшего образования
Статус здоровья	Высокий (не более одного хронического заболевания)	РЕФ	РЕФ	РЕФ
	Низкий (два и более хронических заболеваний)	-0,018* (0,010)	0,005 (0,018)	-0,032*** (0,012)
Рабочий контракт	Нет (неофициальная занятость)	0,004 (0,020)	-0,013 (0,063)	-0,013 (0,020)
	Да (официальная занятость)	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Сектор занятости	Промышленность, бизнес и коммерческие услуги	0,070*** (0,010)	0,031** (0,016)	0,092*** (0,012)
	Социальная сфера и государственная служба*	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Длительность рабочей недели	Полная занятость	0,420*** (0,041)	0,446*** (0,073)	0,411*** (0,048)
	Частичная занятость — менее 20 ч в неделю (РЕФ)	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Наличие подчиненных	Да	0,196*** (0,012)	0,192*** (0,018)	0,182*** (0,017)
	Нет	РЕФ	РЕФ	РЕФ
<i>Значимость модели</i>		***	***	***
<i>R-квадрат (adj.)</i>		0,271	0,212	0,235

* Образование, государственное управление, наука, культура, социальное обслуживание, жилищно-коммунальные услуги и военная служба.

Примечания: Константа включена в модели, но опущена в таблице. Уровни значимости коэффициентов обозначены следующим образом: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. РЕФ — референтная категория.

Источник: авторские оценки данных РМЭЗ-2014, репрезентативная выборка из занятых женщин в возрасте 20–44 лет.

Анализ полученных результатов показывает, что контрольные переменные обладают различными эффектами и значимостью в группах женщин с разным уровнем образования. Для женщин с высшим образованием значимый эффект оказывает возраст: мы наблюдаем негативное влияние младших возрастных групп, отражающее рост уровня квалификации по мере получения образования и накопления опыта работы. Максимальные заработные платы обнаружены у женщин в возрасте 40–44 лет (старшая возрастная группа из включенных в подвыборку), заработная плата женщин в возрасте 30–34 и 35–39 лет значимо не отличается от уровня этой группы, в то время как у женщин в возрасте 25–29 лет в среднем заработные платы оказываются ниже на 12,2%, а 20–24 лет — на 7,4%. Кроме этого, значимое влияние оказывают место проживания (градиент от сельской местности к крупным городам), отсутствие партнера (негативное влияние), сектор занятости, длительность рабочей недели и наличие подчиненных. Для женщин без высшего образования оказывается значимым возраст (однако роста положительного эффекта с возрастом не наблюдается), место проживания (аналогичный градиент), состояние здоровья, сектор занятости — с более сильным положительным влиянием занятости в негосударственном секторе, длительность рабочей недели и наличие подчиненных.

Таким образом, среди высокообразованных женщин виден эффект отдачи от опыта работы. Отсутствие значимого эффекта у переменной здоровья для этой же группы, по-видимому, отражает специализацию их рынка труда — занятость на рабочих местах, преимущественно не предполагающих физического труда, а потому в меньшей степени зависящих от состояния здоровья.

Наконец, как видно из табл. 1, статистически значимый «штраф за материнство» выявлен во всех трех моделях, но только для женщин с детьми до 18 лет. Общая модель оценивает его размер в 3,9%, а модель на основе подвыборки женщин с высшим образованием — в 6,0% (рис. 3). Полученные оценки размеров «штрафа за материнство» ниже оценок десятилетней давности.

Более высокие оценки «штрафа» у женщин с высшим образованием могут быть связаны с тем, что на российском рынке труда у них оказывается меньше возможностей успешно совмещать занятость на высококонкурентном рабочем месте с высокими требованиями к уровню квалификации и родительские обязанности. В частности, это касается графика работы и переработок.

Другое объяснение более высокого «штрафа» в этой группе женщин лежит в русле концепции о человеческом капитале. Наиболее образованные работники склонны к частому или непрерывному обновлению своих профессиональных навыков (особенно в быстроразвивающихся отраслях), освоению новых компетенций. Полтора- или даже трехлетний перерыв

в работе означает тогда не только частичную утрату уже имевшихся до рождения ребенка навыков, но и отставание в освоении новых.

Учитывая низкий уровень бездетности российских женщин, а значит, и низкую селективность вступления в материнство, мы дополнительно исследуем размеры «штрафа» за двух и более детей по сравнению с однодетными и бездетными женщинами. Для этого оцениваются аналогичные предыдущим модели с заменой ключевой независимой переменной на дифференцированную по количеству детей; результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа. Второй этап моделирования — зависимость логарифма среднемесячной заработной платы от социально-демографических характеристик женщины, взвешенная регрессия. Дифференциация по числу детей

Параметры модели		Коэффициенты (стандартная ошибка)		
		А	Б	В
		Общая модель	Модель для женщин с высшим образованием	Модель для женщин без высшего образования
Статус материнства	Бездетная женщина	РЕФ	РЕФ	РЕФ
	Женщина с одним ребенком	-0,026** (0,010)	-0,052*** (0,017)	-0,009 (0,013)
	Женщина с двумя и более детьми	-0,050*** (0,012)	-0,063*** (0,022)	-0,039*** (0,015)
Образование	Нет высшего образования	РЕФ	-	-
	Высшее образование	0,144*** (0,010)	-	-
Возраст	20–24	0,007 (0,017)	-0,080** (0,034)	0,050** (0,020)
	25–29	-0,042*** (0,014)	-0,129*** (0,024)	0,037** (0,018)
	30–34	-0,017 (0,013)	-0,024 (0,023)	-0,015 (0,016)
	35–39	0,052*** (0,013)	-0,032 (0,025)	0,105*** (0,015)
	40–44	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Место проживания	Областной центр	0,132*** (0,013)	0,128*** (0,026)	0,149*** (0,014)
	Город	0,063*** (0,013)	0,061** (0,027)	0,078*** (0,015)
	ПГТ	0,068*** (0,024)	0,076 (0,047)	0,060** (0,027)
	Сельская местность	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Партнерский статус	Нет партнера, никогда не была замужем	-0,025** (0,013)	-0,051** (0,021)	-0,016 (0,016)
	Нет партнера, была замужем ранее	-0,015 (0,013)	0,022 (0,023)	-0,034** (0,016)
	Есть партнер / Замужем	РЕФ	РЕФ	РЕФ

Окончание табл. 2

Параметры модели		Коэффициенты (стандартная ошибка)		
		А	Б	В
		Общая модель	Модель для женщин с высшим образованием	Модель для женщин без высшего образования
Статус здоровья	Высокий (не более одного хронического заболевания)	РЕФ	РЕФ	РЕФ
	Низкий (дваиболеехронических заболеваний)	-0,019* (0,010)	0,005 (0,018)	-0,032*** (0,012)
Рабочий контракт	Нет (неофициальная занятость)	0,002 (0,020)	-0,017 (0,063)	-0,015 (0,020)
	Да (официальная занятость)	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Сектор занятости	Промышленность, бизнес и коммерческие услуги	0,069*** (0,010)	0,031** (0,016)	0,092*** (0,012)
	Социальная сфера и государственная служба	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Длительность рабочей недели	Полная занятость	0,413*** (0,041)	0,443*** (0,073)	0,401*** (0,048)
	Частичная занятость — менее 20 ч в неделю (РЕФ)	РЕФ	РЕФ	РЕФ
Наличие подчиненных	Да	0,195*** (0,012)	0,198*** (0,018)	0,182*** (0,017)
	Нет	РЕФ	РЕФ	РЕФ
<i>Значимость модели</i>		***	***	***
<i>R-квадрат</i>		0,271	0,211	0,235

* Образование, государственное управление, наука, культура, социальное обслуживание, жилищно-коммунальные услуги и военная служба.

Примечание: Константа включена в модели, но опущена в таблице. Уровни значимости коэффициентов обозначены следующим образом: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. РЕФ — референтная категория.

Источник: авторские оценки данных РМЭЗ-2014, репрезентативная выборка — занятые женщины в возрасте 20–44 лет.

Модель такой конфигурации указывает на рост «штрафа» с увеличением общего числа рожденных детей — ожидаемую взаимосвязь в рамках экономического объяснения его возникновения. При этом из полученных результатов следует, что женщины с высшим образованием полу-

чают «штраф» уже за рождение первого ребенка, в то время как женщины без него — только, начиная со второго (см. рис. 3, обобщающий результаты всех моделей). Это хорошо согласуется с уже указанным выше объяснением в рамках концепции человеческого капитала. Для сегмента высокопроизводительной и высококонкурентной занятости свойственно более раннее и значительное проявление «штрафа».

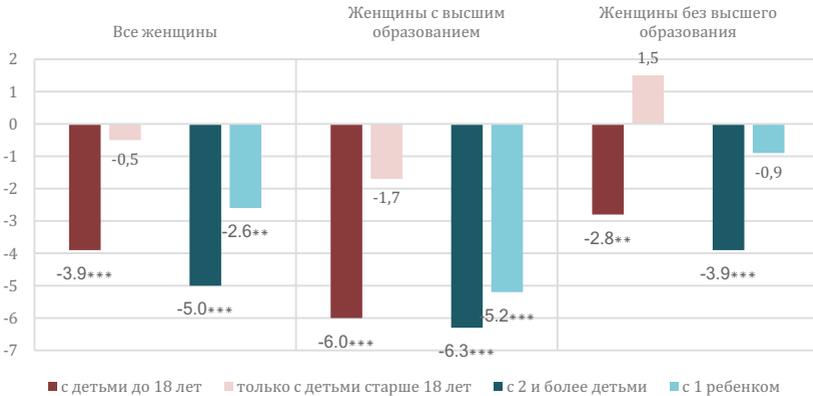

Рис. 3. Размер «штрафа за материнство», в % от заработной платы бездетных женщин. Оценки на основе лог-линейной модели зависимости заработной платы с поправкой на селективность материнства

Примечание: *** — различия значимы на уровне 0,01, ** — на уровне 0,05.

Дискуссия и перспективные направления будущих исследований

Результаты проведенного анализа показывают, что у женщин с детьми старше 18 лет «штрафа за материнство» в современной России не наблюдается. Встает вопрос о том, как быстро он исчезает? К сожалению, размеры анализируемой подвыборки не позволяют дробить ее на более частные группы по возрасту детей. Однако исследование этого вопроса, проведенное параллельно с представленным в настоящей статье, с использованием панельных данных 15-й волн РМЭЗ НИУ ВШЭ (см. опубликованные по его результатам работы [Ермолина и др., 2016; Бирюкова и др., 2017] приближает нас к ответу. Его результаты показали, что уже к концу отпуска по уходу за ребенком до трех лет относительные заработные платы, т.е. оцененные по отношению к уровню оплаты труда до рождения ребенка либо в начале периода наблюдения исследователей, у матерей и бездетных женщин выравниваются, а измеренный в таких терминах (отличных от используемых в данной статье) «штраф за материнство» практически исче-

зает (рис. 4). Основываясь на этом, мы предполагаем, что «штраф» объясняется временными потерями в заработной плате в течение нескольких лет после рождения ребенка в большей степени, нежели систематической дискриминацией матерей на российском рынке труда. Факт, что уровень зарплаток восстанавливается после длительного отпуска по уходу очень быстро, говорит о том, что женщины реально начинают работать до его окончания — официально или нет. Полученные в указанной работе результаты, однако, следует воспринимать как предварительные, поскольку проведенный анализ является в основном описательным сравнением различий; эконометрическое моделирование с учетом всех социально-демографических характеристик может значительно скорректировать динамику «штрафа» даже в терминах относительных заработных плат.

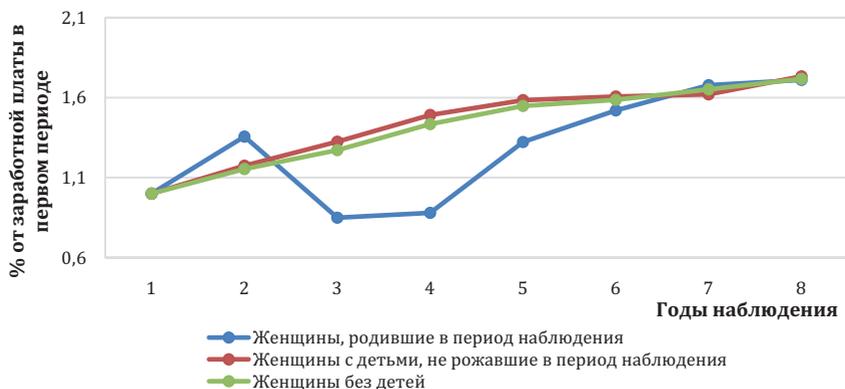

Рис. 4. Динамика заработной платы бездетных женщин и женщин с детьми, в том числе родивших в третий год наблюдения

Источник: [Бирюкова и др., 2017]

Вместе с тем, в работе С. С. Бирюковой и соавторов [Бирюкова и др., 2017] фиксируется и нематериальный «штраф»: женщины с маленькими детьми менее уверены в своем положении на рынке труда и возможностях трудоустройства в будущем, особенно, если они возвращаются к работе до исполнения ребенку трех лет, когда государственные услуги по присмотру за детьми еще недоступны.

Таким образом, нивелирование «штрафа за материнство» по мере взросления детей может говорить о том, что он связан с поведением женщин на рынке труда, выбором рабочих мест и условий работы, компромиссом между оплатой труда и гибкостью условий.

В настоящей работе была получена более низкая оценка «штрафа», чем в начале 2000-х гг. — на уровне 3,9% в среднем для всех женщин с детьми в возрасте до 18 лет. Причиной изменения может быть развитие

рынка труда, изменение структуры занятости. Постепенная переориентация экономики на нематериальное производство, развитие сегментов «интеллектуальных» услуг — информационных и образовательных технологий, сферы консалтинга, дизайна — приводит к расширению возможностей удаленной занятости. Возможно, это позволяет сокращать длительность перерывов в работе и способствует снижению размеров «штрафа за материнство». Такая гипотеза требует дальнейшей проверки релевантных данных. Действительно, являются ли полученные оценки систематическим сдвигом в заработных платах или случайным наблюдением? Для ответа на этот вопрос требуются новые исследования.

Возвращаясь к российскому демографическому контексту, следует еще раз задуматься о сути наблюдаемого явления. В России вступление в материнство остается массовым и довольно ранним. Поэтому селективность в материнство фактически явно выражена только до 25–30-летнего возраста как среднего возраста рождения первенца. Весьма вероятно, что в таких условиях следует скорее говорить о «штрафе за гендер». Результаты настоящей работы показывают, что «штрафа» за одного ребенка практически не наблюдается, а результаты многочисленных предыдущих работ показывают более низкие заработные платы женщин по сравнению с мужчинами. Это, должно быть, включает в себя и «штраф» за ожидание материнства. Полученный в моделях высокий негативный эффект возраста 25–29 лет при контроле на наличие детей также свидетельствует в пользу этого довода. По мере перехода от универсальной модели рождаемости к разнообразию траекторий репродуктивного поведения женщин (дифференцированных как по возрасту вступления в материнство, так и по числу детей) можно ожидать и дифференциации размеров «штрафа». Однако следует учитывать высокий инерционный эффект социальных норм в обществе, а следовательно, и среди работодателей.

Настоящее исследование представляет собой первый шаг большой работы по развитию исследований, посвященных «штрафу за материнство», в России. В заключение статьи и в развитие представленной выше дискуссии мы хотели бы уже сейчас в явном виде обозначить перспективные направления будущих работ в этой области.

В первую очередь, возможные направления дальнейшей работы лежат в сфере методологии и уточнения исследовательских вопросов. Используемый в рамках данной статьи метод имеет свои ограничения. Важный нюанс состоит в степени полноты бинарной модели (первого этапа моделирования). Если она охватывает неполный набор значимых регрессоров и дает в результате смещенные оценки коэффициентов при включенных параметрах, то и взвешивание по сконструированным вероятностям будет неправомерным. При исследовании рождаемости эти опасения актуальны, так как среди факторов материнства есть множество ненаблюдаемых па-

раметров — индивидуальных предпочтений, склонностей, ценностных установок. В связи с этим одним из направлений развития исследования, по мнению авторов, является совершенствование методологии за счет использования расширенной модели со взвешиванием по обратной вероятности быть матерью (*augmented inverse probability weighting, AIPW*), впервые обоснованным и примененным в данной области исследований Дж. Вальдфогелем и И. Палем в 2016 г. [*Pal, Waldfogel, 2016*]. Эта модель, как показано в литературе [*Glynn, Quinn, 2009*], дает устойчивые оценки *treatment*-эффекта даже в ситуациях, когда одна из моделей — бинарная или основная — специфицированы неверно. Применение этого метода позволит получить робастные оценки штрафа и одновременно оценить качество использованной в данной работе модели.

Возможно также уточнение методологии по учету селективности на первом этапе моделирования. В рамках данной работы не оценивается селективность занятости женщин, исследование сфокусировано на уже работающих женщинах с детьми. В дальнейшем целесообразным представляется также изучение селективности в занятость по признаку материнства. Кроме того, в связи с низкой селективностью в материнство в уравнении отбора может моделироваться не сам факт материнства, а рождение детей до определенного возраста (25 лет как среднего возраста рождения первенца).

Наконец, возможна апробация моделей с взаимодействием независимых переменных, таких как, например, сфера занятости и график работы. Еще один дополнительный вопрос состоит в поиске более точной возрастной границы, при достижении которой ребенком пропадает штраф. Это требует использования панельных данных (имеющих свои ограничения в связи с неизбежным неслучайным исчерпанием выборки) и отслеживания возраста детей. Следует отметить, что эта задача отличается от сравнения относительных заработных плат (как на рис. 4), так как они не дают нам представления об абсолютных различиях с бездетными женщинами. В дополнение к этому, переход к панельным данным может позволить ввести контроль за ненаблюдаемыми характеристиками респондентов, что может быть важным в контексте подобных исследований из-за того, что среди факторов возникновения «штрафа за материнство» могут быть такие параметры, как неартикулируемые предпочтения в сфере занятости и материнства и другие ценностные и поведенческие установки. Кроме этого, включение в рассмотрение других волн опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ в дальнейшем позволит также оценить размеры «штрафа» на разных стадиях экономического цикла или этапах развития национального рынка труда, что может быть самостоятельной исследовательской задачей.

Наконец, еще одним направлением развития исследований может стать изучение «штрафа» в совокупных доходах женщины, партнерской

пары или всего домашнего хозяйства, в котором появляются дети. В случае ухода женщины с рынка труда партнер или члены расширенной семьи могут забирать часть бремени по обеспечению домохозяйства на себя и увеличивать свою занятость с целью компенсации потерь в совокупных доходах; эти стратегии адаптационного поведения также представляют большой интерес.

Список используемой литературы

1. *Арженовский С. В., Артамонова Д. В.* Оценка потерь в зарплате женщин с детьми // Прикладная эконометрика. 2007. № 7 (3). С. 66–79.
2. *Базжина В. А., Цыганкова И. В., Никишина О. Ю.* Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. № 24 (270).
3. *Бирюкова С. С., Ермолина А. А., Васильева Ю. М., Рохмина Е. Б., Трач Т. М.* Динамика положения российских женщин на рынке труда в первые годы после рождения ребенка: как меняется «штраф за материнство»? // Социологические исследования (в печати).
4. *Ермолина А. А., Васильева Ю. М., Рохмина Е. Б., Трач Т. М.* Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России «штраф за материнство»? // Демоскоп Weekly. 2016. № 701–702.
5. *Калабихина И. Е., Бирюкова С. С., Макаренцева А. О., Смуглянская Н. С.* Содействие профессиональной занятости женщин с маленькими детьми. М.: ООО «Деловые и юридические услуги «ЛексПраксис», 2016.
6. *Ниворожкина Л. И., Ниворожкин А. М., Арженовский С. В.* «Цена» материнства: эконометрическая оценка // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2008. № 1.
7. *Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г.* Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Сост. Е. В. Шепелева; науч. ред. Л. Н. Овчарова. Вып. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2014. Доступ: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf
8. *Оценков А. Ю.* Гендерные различия в оплате труда в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 10. № 4.
9. *Тындик А. О.* Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // Spero. 2010. № 12. С. 157.
10. *Austin P. C., Stuart E. A.* Moving towards best practice when using inverse probability of treatment weighting (IPTW) using the propensity score to estimate causal treatment effects in observational studies // Statistics in medicine. 2015. # 34(28). Pp. 3661–3679.
11. *Biryukova S., Tyndik A.* Prevalence and determinants of childlessness in Russia and Moscow // Genus 71. 2015. No. 1.
12. *Budig M. J., Misra J., Boeckmann I.* Work–Family Policy Trade-Offs for Mothers? Unpacking the Cross-National Variation in Motherhood Earnings Penalties // Work and Occupations. 2016. # 43(2). Pp. 119–177.
13. *Correll S. J., Benard S., Paik I.* Getting a job: Is there a motherhood penalty? // American Journal of Sociology. 2007. # 112(5). Pp. 1297–1338.
14. *Harkness S., Waldfogel J.* (1999). The family gap in pay: evidence from seven industrialised countries. LIS Cross-National Data Center in Luxembourg. # 219.

15. *Glynn A. N., Quinn K. M.* An Introduction to the Augmented Inverse Propensity Weighted Estimator // Political analysis. 2009. # 18(1). Pp. 36–56.
16. *Grimshaw D., Rubery J.* The Motherhood Pay Gap: a Review of the Issues. Theory and International Evidence. Conditions of Work and Employment Series. 2015.
17. *Lundberg S., Rose E.* Parenthood and the Earnings of Married Men and Women // Labour Economics 7. 2000. No. 6. Pp. 689–710.
18. *Pal I., Waldfogel J.* The Family Gap in Pay: New Evidence for 1967 to 2013 // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences 2. 2016. No. 4. Pp. 104–127.
19. *Todd E. L.* Educational Attainment and Family Gaps in Women’s Wages: Evidence from Five Industrialized Countries. 2001. No. 246. LIS Working Paper Series.
20. *Wetzels C., Zorlu A.* Wage effects of motherhood: a double selection approach. // Universidade do Minho Working Paper Series. No. 22. 2003.

Приложение. Структура выборки по включенным в модели параметрам, % по столбцу

	Переменные	Все женщины	Женщины с высшим образованием	Женщины без высшего образования
Статус материнства	Бездетная женщина	25,2	31,4	20,2
	Женщина с детьми до 18 лет	64,2	61,6	66,3
	Женщина с детьми 18 лет и старше	10,6	7,0	13,5
Число рожденных детей	Бездетная женщина	25,2	31,4	20,2
	Женщина с одним ребенком	41,0	39,0	42,6
	Женщина с двумя и более детьми	33,8	29,5	37,2
Образование	Нет высшего образования	55,6	-	100,0
	Высшее образование	44,4	100,0	-
Возраст	20–24	12,6	11,4	13,6
	25–29	20,5	23,5	18,1
	30–34	20,9	24,5	18,1
	35–39	21,7	22,7	20,8
	40–44	24,3	17,9	29,4
	45–49	27,0	15,5	30,8
Место проживания	Областной центр	46,3	53,4	40,7
	Город	28,9	29,5	28,4
	ПГТ	5,2	4,6	5,7
	Сельская местность	19,6	12,5	25,3

Окончание прил.

Переменные		Все женщины	Женщины с высшим образованием	Женщины без высшего образования
Партнерский статус	Нет партнера, никогда не была замужем	19,0	21,2	17,3
	Нет партнера, была замужем ранее	14,0	13,0	14,9
	Есть партнер / Замужем	66,9	65,9	67,8
Статус здоровья	Высокий (не более одного хронического заболевания)	74,4	76,0	73,1
	Низкий (дваиболеехронических заболеваний)	25,6	24,0	26,9
Рабочий контракт	Нет (неофициальная занятость)	5,1	2,1	7,6
	Да (официальная занятость)	94,9	97,9	92,4
Сектор занятости	Промышленность, бизнес и коммерческие услуги	58,4	53,1	62,6
	Социальная сфера и государственная служба*	41,6	46,9	37,4
Длительность рабочей недели	Полная занятость	98,8	98,9	98,8
	Частичная занятость — менее 20 ч в неделю (РЕФ)	1,2	1,1	1,2
Наличие подчиненных	Да	17,6	23,3	13,1
	Нет	82,3	76,7	86,9
<i>Общее число наблюдений</i>		<i>1 425</i>	<i>633</i>	<i>792</i>

* Образование, государственное управление, наука, культура, социальное обслуживание, жилищно-коммунальные услуги и военная служба.

Примечание: в отдельных случаях сумма по столбцам может не выходить на 100,0% по причине округления.